

Сейчас было не время копаться в собственном таланте. Хань Мин не любил изливать душу перед посторонними, поэтому сразу сменил тему:

— Как долго длится твоё Очарование, когда дело касается животных? Если можешь, сними его поскорее. Хоть кошки, хоть эти сапсаны — их крики уже изрядно действуют на нервы.

—... Я не знаю, — Ань Ин в редком замешательстве отвёл взгляд. — Раньше мне не приходилось испытывать этот талант на животных. Как только я понял, что контроль утерян, сразу попытался всё отменить, но... кажется, безуспешно.

Ожидаемый ответ. И всё же Хань Мин тихо вздохнул.

Он и сам догадывался, что Ань Ин сегодня не справится со своим Очарованием. Судя по повадкам этого «абсолютного главного героя», тот прежде вообще не задумывался о снятии чар — действовал по принципу «натворил дел, а дальше трава не расти».

Если бы Ань Ин умел развеивать чары, стая сапанов не кружила бы до сих пор над Восточным королевским дворцом. В итоге разгрести этот бардак снова придётся ему.

Заметив во взгляде Хань Мина усталое раздражение, Ань Ин, понимая, что крупно напортачил, попытался оправдаться:

— По моим наблюдениям, люди, которых я очаровал впервые, приходят в себя максимум через сутки. С животными должно быть так же. Я наложил чары вчера, так что сегодня к вечеру действие таланта прекратится само собой. Всё это время я буду дежурить на крыше, чтобы ни один сапан не прорвался во дворец. За уличными кошками в саду тоже попрошу кого-нибудь присмотреть. К тому же теперь у меня есть опыт. Впредь, кого бы ты ни приказал мне очаровать, я не потеряю контроль.

Хань Мину снова захотелось вздохнуть.

Пусть нынешний Восточный королевский дворец и напоминал наспех собранный балаган, никто не позволил бы своре обезумевших зверей хозяйничать здесь целые сутки. Он давно заметил: этот «главный герой» сообразителен, но порой его суждения и поступки отдают поразительной, граничащей с глупостью наивностью.

Хань Мина нельзя было назвать добряком. Однако за годы, проведённые среди безумцев Северного сектора, его порог чувствительности вырос настолько, что на капризы Ань Ина у него порой просто не хватало злости. Да и глупо растрачивать нервы по пустякам — иначе он бы давно уже сгинул от инфаркта.

Если бы Ань Ин сдуру не покусился на его попугая, Хань Мин, возможно, проявил бы ещё немного терпения.

— Ладно, замнём тему. У тебя есть полчаса на медицинскую капсулу. Через тридцать минут жду тебя на крыше Главного зала. Я покажу тебе то самое «животное», которое ты должен очаровать, малыш.

Ань Ин, задетый пренебрежительным «малыш», поначалу хотел огрызнуться, но вовремя прикусил язык.

Считая Хань Мина своим главным соперником, он лучше кого бы то ни было понимал, насколько тот одарён. Поразительная всесторонняя безупречность Хань Мина лишала Ань Ина всякой надежды на честную победу. Не смея сойтись с ним в открытом противостоянии, он пускался на отчаянные, глупые уловки.

Так кого винить в насмешках, если не себя? Порой Ань Ину и самому тошно было от собственного поведения. Но что ему оставалось делать?

Каков же истинный талант Хань Мина? Как вспомогательная способность может обладать столь сокрушительной мощью?

С этими мыслями Ань Ин покинул медкапсулу и направился к крыше Главного зала. В отличие от Бокового зала, верхняя площадка Главного зала проектировалась плоской, приспособленной для посадки флаеров. Изначально крыша бокового зала тоже предназначалась для парковки, но Хань Мин терпеть не мог шума над головой, поэтому по его требованию её перестроили.

Впрочем, ничего удивительного. Если Дун Яо согласился закатить в его честь столь нелепый, помпезный банкет, то уж переделка крыши — и вовсе пустяк.

Когда растерянный Ань Ин поднялся наверх, его взгляду предстала величественная картина. Хань Мин стоял у самого края площадки. Обезумевшая стая сапсанов с резким клёкотом ринулась на него, готовая разорвать плоть когтями, но мужчина лишь небрежно щелкнул пальцами.

В ту же секунду птицы словно очнулись. Почти коснувшись его, они резко взмыли вверх, захлопав крыльями. Ни одно острое перо так и не задело Хань Мина.

«Этот талант...»

Ань Ину не нужно было обладать богатым воображением. Он слишком часто пересматривал записи сражений Дун Яо. Эта способность в мгновение ока подавлять любую агрессию разительно напоминала Узурпацию — визитную карточку Восточного владыки, наводящую ужас на весь сектор.

Что же за талант у Хань Мина? Каким образом он копирует силу Дун Яо?

Покончив с последней волной пернатых, Хань Мин обернулся к застывшему в оцепенении юноше.

Да, Ань Ин не ошибся. Это действительно была Узурпация.

Благодаря таланту «Ниже лишь одного» Хань Мин перенимал часть способностей того, кого выбрал своей целью, включая и его врождённый дар. Эти эффекты сохранялись лишь на время действия связи. Чтобы закрепить чужую силу навсегда, требовалось накопить достаточно очков эмоций.

До сих пор Хань Мин избегал демонстрировать силу Дун Яо открыто — слишком уж она узнаваема. Раньше он планомерно повышал уровень доверия, а столь явное подражание чужому дару могло пробудить в Восточном владыке подозрения.

Однако последние события заставили Хань Мина пересмотреть свои планы. Жизнь в Восточном секторе ему изрядно приелась. Терять время на долгую осаду не хотелось, требовалось ускорить развязку.

Связь между Дун Яо и Ань Ином становилась всё более запутанной. Попытаться завоевать абсолютное доверие через передачу полномочий или сдерживание волн космических тварей теперь казалось пустой затеей. И Хань Мин решил воспользоваться моментом, чтобы переключиться на шкалу сомнений. В конце концов, сто процентов подозрений приносят почти ту же выгоду, что и шестьдесят процентов искренней веры.

Именно поэтому он не стал прятать изменившийся цвет глаз при недавней встрече с Дун Яо, а сейчас, точно рассчитав время появления Ань Ина, применил Узурпацию у него на глазах.

Судя по лицу юноши, тот всё понял. Теперь оставалось дожидаться, пока Ань Ин донесёт эту новость до Дун Яо. Тогда-то мертвецки стабильная шкала эмоций Восточного владыки наконец покажет нужные колебания.

«Из этого сектора пора сматывать удочки.»

Отбросив лишние мысли, Хань Мин проигнорировал замешательство спутника, подошёл к флаеру и бросил:

— Шевелись. Пора лететь.

Ань Ин так и не понял, как они долетели и как он выбрался наружу. Опомнился он, лишь когда очутился перед запертой в клетке космической тварью. Оглушительный, утробный рёв чудовища мгновенно вернул его к реальности.

— Что это за мерзость?! Ты хочешь, чтобы я подчинил космического монстра?! — у Ань Ина сорвался голос. Пялясь на беснующееся в клетке отродье, он невольно попятился.

Он-то полагал, что речь идёт об обычных зверях, которых можно использовать для шпионажа или бесшумного устранения врагов. Но подчинить инопланетного хищника? Это же совершенно несопоставимые вещи!

— А что не так? То, что оно уродливое, ещё не лишает его статуса живого существа. В каком-то смысле это тоже фауна.

«Да какое это, к чёрту, животное!»

Ань Ин едва сдержал рвущиеся с языка проклятия. Впрочем, выбирать не приходилось. Раз уж он сам нажил неприятностей, то ради примирения придётся подчиниться Хань Мину, какой бы невыполнимой ни казалась задача. Своего рода плата за совершённые глупости.

— Сразу предупреждаю: на подобных тварях я свой талант ни разу не проверял. Обычные звери — это одно, но с этим чудищем я ничего не гарантирую.

— Без разницы. Не выйдет с первого раза — попробуешь во второй, в третий. У меня лишь одно условие: ты должен полностью подчинить его разум, чтобы тварь сама отвела нас к своему гнезду.

Услышав ранее слова Ань Ина о суточном лимите при первом Очаровании, Хань Мин смекнул: сила воздействия и длительность эффекта возрастают с каждой новой попыткой. Хмурое молчание Ань Ина лишь подтвердило эту догадку.

—... Я попытаюсь очаровать эту тварь. Но подчинение монстров само по себе смертельно опасно, не говоря уже о походе в их логово. К тому же, чтобы чудовище не сорвалось с поводка в пути, тебе наверняка понадобится моё присутствие. Выходит, я иду на верную смерть. Если тебе нужна стопроцентная гарантия успеха и моё добровольное согласие на эту вылазку, давай заключим сделку. Я хочу, чтобы ты покинул Восточный королевский дворец.

Произнеся это, Ань Ин украдкой взглянул на Хань Мина. Не заметив на его лице мгновенного отторжения, он продолжил смелее:

— Тебе ведь всё равно нет дела до Восточного сектора. Тебе плевать на меня, плевать на Дун Яо и на весь этот сектор. Кроме своего попугая, ты ни к чему здесь не привязан. Потому-то ты и игнорировал любые мои выходки. Даже когда я пытался очаровать Дун Яо прямо у тебя под носом, ты и глазом не повёл. Раньше ты нигде не задерживался дольше трёх месяцев, а тут торчишь целых три года. Тебе ведь осточертело это место, верно? Так почему бы тебе не уйти и не уступить его мне? Для тебя это ничего не стоит. Взамен я обещаю, что мой талант всегда будет к твоим услугам — не только в этот раз.

Ань Ин скользнул взглядом по безмолвной фигуре Лин Чжоу, стоявшего за спиной Хань Мина. Насчёт намерений самого Хань Мина он мог ошибаться, но Лин Чжоу точно спал и видел, как увести его отсюда. В этом Ань Ин был уверен на все сто.

Но Лин Чжоу промолчал. Вместо него раздался ровный, с оттенком лёгкого сожаления голос Хань Мина:

— Заманчивое предложение. Жаль только, что твоя репутация в моих глазах давно помножена на ноль. Ты путаешь кое-что важное, Ань Ин. В отличие от жителей Южного сектора, выходцы с Севера при заключении сделок смотрят вовсе не на цену...

Едва заметным движением пальцев Хань Мин извлёк из рукава кинжал. Тонкое лезвие скользнуло по тыльной стороне ладони и легло в ладонь.

— Мы договариваемся вот так.

В то же мгновение холодная сталь прижалась к шее Ань Ина.

— Ну а теперь — не пора ли тебе применить своё Очарование?

«На Севере действительно живут одни разбойники и психи!»

Ань Ин почувствовал, как его вновь парализует удушливый страх. Хань Мин, вооружённый холодным оружием, излучал куда более осязаемую угрозу, нежели прежде.

Разве может такой человек вечно оставаться лишь чьим-то помощником?

Подавив гордость, он послушно повернулся к клетке и задействовал талант, оставив всякие разговоры о сделках.

Попытка подчинить космическую тварь ожидаемо провалилась.

Не дав юноше раскрыть рта, Хань Мин с улыбкой произнёс:

— Жду тебя здесь ровно через неделю.

Когда Хань Мин с точностью до дня назвал время отката его способности, у Ань Ина окончательно опустились руки. Любая сделка требует равенства сторон. Сейчас же он со всей ясностью осознал: лишившись всех козырей, он даже не имел права садиться за игровой стол.

—... Раз уж ты так хорошо знаешь мой талант, — нарушил молчание Ань Ин, когда они подошли к флаеру, — как думаешь, если развивать его и дальше... смогу ли я заставить весь мир влюбиться в меня?

Хань Мин на секунду замер у открытой дверцы, а затем задал, казалось бы, совершенно нелепый вопрос:

— Ты когда-нибудь смотрелся в зеркало?

— Что?

Решив, что над ним банально издеваются, указывая на отсутствие смазливой внешности, Ань Ин уже собрался обидеться, но Хань Мин спокойно продолжил:

— Пробовал ли ты применить Очарование на собственном отражении? Если ты сам себя не любишь, то с какой стати тебя должен любить весь мир?

Хань Мин повидал немало одарённых людей, и Ань Ин бесспорно входил в число самых перспективных. Однако именно детские травмы, породившие его грозный дар, одновременно и сковали его потенциал. Испытывая вечный дефицит душевного тепла, юноша напрочь лишил себя права быть любимым просто так, возложив все надежды исключительно на мистическую силу. Тот, кто отчаянно жаждал любви, оказался абсолютно неспособен полюбить самого себя.

Хань Мин не собирался набиваться в наставники. Требуя от Ань Ина развивать контроль над фауной, он преследовал лишь одну цель — отыскать логово тварей. Но раз уж тот спросил, отчего бы не ответить. Сколько из этого Ань Ин усвоит — его мало волновало.

В салоне флаера вновь воцарилась тишина.

Лишь когда машина пошла на посадку у главного дворца, Ань Ин решился прервать молчание:

— Десятого октября Восточный королевский дворец проведёт трансляцию на весь сектор. Это будет праздничный банкет в честь твоего дня рождения, устроенный лично Восточным владыкой. Стоит эфиру закончиться, и тебя официально признают единственным помощником владыки во всём секторе. До сих пор ни один владыка не оказывал своим подчинённым подобных почестей. Все поймут, насколько тесно вы связаны. Если после этого ты решишь перебраться в другой сектор, к тебе везде будут относиться с подозрением. Кому нужен перебежчик, который бросил правителя, осыпавшего его такими милостями?

Этот банкет задумывался дворцовой челядью как сюрприз. Но за последнее время Ань Ин успел достаточно изучить Хань Мина, чтобы понять: подобная затея вызовет у того лишь глухое раздражение. Судя по биографии Хань Мина, подобные «сюрпризы» были для него не более чем кандалами.

Ань Ин и сам не понимал, зачем выложил всё это. Ведь оставайся Хань Мин в неведении, плести интриги было бы куда проще. Наверное, так он давал Хань Мину шанс сделать выбор. Это была взаимовыгодная игра: если Хань Мин решит уйти сам, Ань Ин без труда получит желаемое.

Вообще-то Хань Мин и сам планировал в ближайшие дни разузнать, что намечается на десятое октября. Эта дата явно имела к нему отношение, и делать вид, будто ничего не происходит, было бы глупо. Кто же знал, что Ань Ин опередит его и выложит всю подноготную.

«Пытается вынудить меня уйти?»

Хань Мину было плевать на мотивы Ань Ина. Посадив флаер, он сразу направился в свои покои в Боковом зале.

Из-за запертого в трюме монстра корабль Лин Чжоу пришлось припарковать на самом отшибе. Долгая дорога туда и обратно затянулась, и когда Хань Мин наконец переступил порог своей спальни, за окном уже высоко стояла луна.

Стоило ему войти, как следом скользнул Лин Чжоу, державшийся до этого на шаг позади.

— Ты чего? — Хань Мин недовольно нахмурился.

Лин Чжоу промолчал, лишь опустил свои золотые зрачки и пристально посмотрел на него.

А затем произнёс те же самые слова, что и полмесяца назад:

— Сегодня пятнадцатый день.

<http://bllate.org/book/18306/1755321>